

В ОТРЯДЕ

Никогда не забыть нам ночь на восемнадцатое января 1943 года, когда нас привезли в лесной партизанский лагерь. Было уже поздно, лагерь спал, и нас тотчас же определили на ночлег в одну из землянок.

Дорога была неблизкой, мы изрядно продрогли на морозе и в землянке почувствовали приятное тепло. Землянка была обжита, по обеим сторонам от прохода, на нарах, лежали партизаны. Посреди прохода слабым пламенем светилась железная печка, со столба, подпиравшего бревенчатое перекрытие, свисала тусклая коптилка, сделанная из снарядной гильзы. Освещение это не спорило с лунным светом, проникавшим через стекла небольшого окошка в самом верху торца землянки.

Наше появление разбудило многих. Нас, оказывается, ждали и заранее приготовили здесь угол. Поднялся и располагавшийся в этой землянке вместе со своими бойцами командир роты Тагинцев Степан Федорович. Он поздоровался с нами, представился и предложил устраиваться. Мы и устроились на нарах, покрытых еловыми ветками.

Уснули не сразу. Возник разговор о нас и «вообще», и мы узнали, что нам повезло — сумели проскочить через вражеское кольцо — и это только благодаря хватке Глебова и Теплова. Узнали, что не только этот, наш, а и все партизанские отряды в клетнянских лесах блокированы крупными силами карателей, и стало быть, предстоят большие бои и нелегкие переходы.

Узнали мы уже в эту ночь и многое об отряде и его боевом пути. Эти сведения потом пополнились воспоминаниями ряда новых наших боевых друзей, а впоследствии знакомством также с некоторыми документами, и мне кажется уместным именно сейчас, не откладывая, коротко рассказать о том формировании народных мстителей, в которое нас привела судьба — об отряде имени Чапаева командира А. С. Горбачева.

Сам Андрей Сергеевич Горбачев был до войны директором пригородного совхоза «Красный кооператор». В июле 1941 года он возглавил так называемый истребительный отряд по борьбе с диверсантами, забрасываемыми врагом в советский тыл. Политруком отряда стал секретарь партийной организации совхоза Алексей Андреевич Тресиков. В начале октября 41-го с этим истребительным отрядом слился другой, поселка Бежичи, и решением Орджоникидзegrадского (Бежицкого) горкома партии был сформирован уже партизанский отряд, командиром которого остался А. С. Горбачев, а комиссаром назначен учитель из Бежичей, до той поры политрук второго истребительного отряда Федор Наумович Брук.

До июля 42-го этот партизанский отряд действовал на территории Брянского и Дятьковского районов бок о бок с другими формированиями народных мстителей индустриального Орджоникидзegrада (Бежицы).

Были среди них небольшие отряды работников милиции и пожарной охраны (командир Сергей Тимофеевич Денисов, комиссар Федор Петрович Каменев) и поселка Бордовичи (командир Степан Федорович Тагинцев, политрук Николай Викторович Шершнеv). Летом 1942 года, когда враг бросил против дятковских партизан крупные силы регулярных войск, часть народных мстителей вынуждена была передислоцироваться, и оба эти отряда примкнули к партизанам Горбачева. Присоединилась к нему и отдельная рота Брянского районного партизанского отряда под командованием бывшего председателя исполкома Сельцовского поселкового Совета Ивана Никитича Демочкина. В результате образовался уже довольно внушительный по тому времени — в 270 бойцов — отряд, которому и было присвоено имя Чапаева. А. С. Горбачев так и утвердился командиром, Ф. Н. Брук — комиссаром. Начальником штаба стал Ф. П. Каменев, парторгом — А. А. Тресиков. С. Т. Денисок, С. Ф. Тагинцев, И. Н. Демочкин, Н. В. Шершнеv и другие руководители прежних разрозненных отрядов превратились в командиров и политруков рот и иных подразделений. Действовал отряд имени Чапаева преимущественно в лесах Клетнянского и Жирятинского районов, совершая также частые рейды в Мглинский, Выгоничский, Почепский, Суражский, Дубровский и другие районы Брянщины.

В отряд имени Чапаева, как и другие формирования партизан, вошло много людей военных, прошедших боевую школу в рядах Красной Армии и уже обстрелянных в сражениях — из числа попавших в окружение и из-за ранений или по другим причинам не сумевших пробиться через линию фронта. Их боевой опыт, армейская дисциплина сыграли большую роль в расширении и активизации действий народных мстителей. Недаром же Западный штаб партизанского движения в разгар самых массовых операций в тылу врага постарался еще более усилить армейское влияние на эти формирования, командировав сюда испытанных офицеров для интенсификации разведывательной, диверсионной и других служб. Несколько таких крепких фронтовиков прилетело летом 43-го и к нам, в бригаду имени Чапаева (реорганизованную из отряда).

Ядро подразделения составляли все-таки люди сугубо мирных профессий и характеров. Многие из них даже не были военнообязанными — по возрасту ли, полу или по состоянию здоровья. В ряды партизан их привели высокое понимание долга гражданина, страстный патриотизм, непримиримость к присутствию на родной земле фашистских оккупантов. В октябре 41-го в лес ушло немало пожилых людей, несовершеннолетних, женщин. Вступали в отряд и семьями. Старый рабочий сталелитейного завода Егор Михайлович Пызин привел с собой двух сыновей — Павла и Николая. Прохор Семенович Шершнеv пришел с сыном Василием, Иван Сергеевич Быстрое — с сыном Анатолием. Стали народными мстителями

братья Павел и Петр Масюковы, брат и сестра Черявские — Николай и Галина...

Выросшие, жившие и трудившиеся по соседству, бойцы хорошо знали друг друга, полагались друг на друга. Эта какая-то особая спайка, дух крепкого товарищества передавались и новичкам, которые беспрерывно пополняли отряд. И когда наши партизаны говорили о себе: «Мы — чапаевцы!», в этих словах слышалась гордость не только за высокое имя, но и за принадлежность как бы к большой и дружной семье. За плечами наших боевых друзей были уже не только многочисленные диверсии, разведздания, нападения на посты и гарнизоны врага небольшими группами и всем отрядом. Летом 42-го чапаевцы активно участвовали и в многодневных открытых боях со специально снятыми с фронта фашистскими частями, блокировавшими знаменитый партизанский Дятьковский район, где на месяцы была восстановлена Советская власть.

Осенью того же года разросшееся партизанское движение приняло новые организационные формы: были созданы бригады. Отряд имени Чапаева вместе с Клетнянским районным отрядом составил Третью Клетнянскую партизанскую бригаду. Как и другие подобные формирования, она вышла на прямую связь с Большой землей, с Москвой. Стали прилетать наши самолеты, доставлять автоматы, противотанковые ружья, взрывчатку, патроны, газеты, журналы, даже письма от родных и близких, проживающих в советском тылу. Самолетами же вывозили на Большую землю раненых и больных, женщин с детьми.

Правда, в момент, когда мы пришли в отряд, эта воздушная связь была под угрозой...

Наступил первый день нашей партизанской жизни.

Утром я был вызван в штаб отряда.

В штабной землянке находились командир отряда Андрей Сергеевич Горбачев, комиссар Федор Наумович Брук, начальник штаба Федор Петрович Каменев, секретарь партийной организации Алексей Андреевич Тресиков. Это были люди различные по внешности и манерам. Высокий худощавый командир походил чем-то на лихого кавалериста. Курчавый и улыбчивый комиссар и в военной амуниции оставался учителем, сугубо гражданским человеком. Чем-то мирным, спокойным веяло и от склонной к полноте фигуры парторга. Лишь невысокий начштаба был действительно по-военному подтянут и собран.

Но они, как видно, хорошо дополняли и понимали друг друга. Мое первое впечатление, которое подкрепилось впоследствии наблюдениями в разных ситуациях: командир пользуется беспрекословным авторитетом (и не только у руководящего состава, а у всех партизан), но он не давит на них, не заслоняет собой всех других. Даже уже потому, как меня расспрашивали, я почувствовал, что решают тут сообща.

Меня попросили подробно рассказать о себе и о Вале, при этом, уточняя детали, задавали такие вопросы, что я понял: многое, а главное о нашей жизни и работе в Почепе и Деремне, здесь уже хорошо известно.

— Ясно,— подытожил эту часть разговора Горбачев. И, помолчав, сказал:— Не будем скрывать, доктор (он, замечу, и впоследствии чаще всего так ко мне обращался: «доктор»), пришли вы к нам в тревожное время, над этими лесами нависла очередная блокада. Зимняя блокада, а это серьезнее всего. Как видно, предстоят тяжелые дни. Наверное, очень тяжелые. Так что будьте готовы ко всякому.

Он опять помолчал и продолжил:

— Но знайте и другое. Вы нам очень нужны. И может быть, особенно теперь. Ни в отряде, ни в целом в бригаде нет по существу медицинской службы. Мы хотим иметь не просто доктора, врача, а санитарную часть, и вас я назначаю начальником этой части. Как вы?

Я согласился, считая, что накопленный опыт позволяет мне справиться с таким назначением. Тем более, что получил не только полномочия, но и твердые заверения: будет оказана всяческая помощь. Тут же было принято решение выделить под санчасть отдельную землянку и общими силами оборудовать ее всем возможным.

— Задача такая, доктор,— заключил командир отряда,— быть готовым к приему раненых. Как можно быстрее. То есть буквально завтра-послезавтра.

И мы, не откладывая, взялись за работу.

Прежде всего встретился с исполнявшим обязанности главного представителя медицины в отряде **Иваном Арсентьевичем Репниковым**. Он имел высшее образование, но... ветеринарное, служил с довоенной поры в Красной Армии, в кавалерии, ветеринарным врачом (и в отряде продолжал носить свое обмундирование кавалериста). В составе Ферганской кавдивизии участвовал в боях на фронте, попал в окружение, добрался до села Чернетово на Десне под Брянском и отсюда был переправлен в лес.

Мы сразу нашли общий язык с этим стройным смуглолицым и темноволосям оптимистически настроенным человеком, который очень обрадовался, что ему пришла, как он выразился, полноценная смена. До сих пор Иван Арсентьевич делал все, что мог, чтобы раненым в отряде оказывалась посильная медицинская помощь, но конечно, возможности его были ограничены. Он участвовал, как все, в боевых операциях, только не расставался с санитарной сумкой и, если требовалось, делал перевязку, обеззараживал рану, накладывал примитивную шину, давал кое-какие лекарства. Теперь, воскликнул было Репников, он свободен от таких обязанностей. Но тут я его разочаровал, сказав, что он остается в санчасти. Помимо Репникова, у нас были ветеринарный инструктор Петр Васильевич Пушной да юная медицинская сестра Аня, Анна Ивановна Копченкова.

Вернее даже так: относилась прежде всего она, Аня, потому что собственно в медицине ветврач и ветинструктор были ей лишь помощниками...

В другом отряде нашей бригады, Клетнянском, положение было немного лучше: там находились два фельдшера — Матвей Степанович Гузиков и Степан Григорьевич Ступак и еще молодая санитарка Полина Пугачева. И можно себе представить, каково было медицинское обслуживание партизан, если почти на восемьсот бойцов не было ни одного врача, а другие медики действовали на свой страх и риск. Каждый имел свою сумку (или вещевой мешок) с некоторым запасом перевязочного материала и медикаментов, каждый оказывал помощь, как умел... Раненые и больные располагались в землянках вместе с другими партизанами, обособленного ухода за ними не было. И все это приводило к тому, что, как героически ни вели себя медики, какие бы самоотверженные усилия ни прилагали, а у раненых то и дело возникали осложнения, гангрена, заражение крови, и, увы, кончалось гибелью людей, которые вовсе не были заведомо обречены.

Фактически, как выяснилось, санчасть наша создавалась и как отрядная и как общебригадная. И я в тот же день собрал всех занимавшихся медициной в обоих отрядах. Стали учитывать, чем мы располагаем. Радоваться было нечему. Все медикаменты и перевязочный материал, если собрать их вместе, уместились бы в одной сумке. Инструментов вовсе не было, кроме того, что мы с женой сохранили и привезли с собой. Не было мыла, эмалированных тазов для мытья рук, не говоря уже о носилках.

Распределили обязанности, чтобы под личную ответственность каждого наладить дело на первоочередных участках. Валентине Андреевне и Ане Копченковой поручили отвечать за операционно-перевязочный блок. Ивану Арсентьевичу и Петру Пушному «отдали» решение хозяйственных вопросов.

Разговор об операционном блоке вызвал у некоторых если не недоверие, то удивление.

— Как, и операции будем делать?— спросила Аня.

— Обязательно!— ответил я.— Вот вы, товарищ Копченкова, поможете Валентине Андреевне развернуть операционно-перевязочную. Вам предстоит срочно овладеть методикой стерилизации инструментария, подготовки материала и раненых к операции. В операционно-перевязочной надо все уметь, здесь непременно должна быть взаимозаменяемость...

Все молчали. По выражению лиц я понял, что почти никто не верил тому, что в таких условиях можно делать серьезные хирургические операции. Тогда я постарался объяснить:

— Именно такие операции, выполненные в первые часы после ранения, способны предотвратить тяжелые инфекционные осложнения, как газовую гангрену и сепсис. В противном случае будут большие потери людей. А

смысл создания санчасти в том и состоит, чтобы спасти раненых, оказывать им квалифицированную хирургическую помощь.

Естественно, зашел разговор и о первой помощи раненому на поле боя. Он свелся к тому, что партизан надо обучить правилам само- и взаимопомощи, правильного наложения повязки на рану, остановке кровотечения и т. д. Все работники медслужбы тут же были «вчерне» закреплены за определенными под разделениями и получили конкретное задание при первой же возможности начать инструктаж бойцов. Правда, выяснилось, что и сами наши работники не очень-то осведомлены, как оказывать помощь при раз* личных ранениях. Пришли поэтому к выводу: немед* ленно самим научиться. И научиться в деле — в работа, участвуя в перевязках и операциях. Решили также усилить, несмотря на тревожную обстановку, сани* тарно-просветительную работу в отрядах, больше внимания уделять личной гигиене партизан, продумать противоэпидемические мероприятия...

В тот же день нам была предоставлена отдельная просторная землянка, которую партизаны при нас уж* дооборудовали. Весь отряд участвовал в этом дела.

Старшина Николай Насонов нашел для санчасти железную печку-временку, мы ее поставили посреди землянки. Операционно-перевязочную разместили юго-западной половине, где было единственное окно, и перегородили парашютной тканью.

Вечером я проходил мимо группы партизан, гревшихся у костра. Меня окликнул Саша Теплов, я присоединился к группе. Ребята стали расспрашивать, как идет оборудование санчасти. Я попросил их помочь нам. И уже на другой день свободные от боевых дел партизаны мастерили столы, покрывали их парашютной тканью. Повесили ее и под потолком, чтобы не сыпалась земля и мусор. Часть землянки заняли сплошными нарами из жердочек и крупных еловых веток. Вход завесили холщовой тканью.

Для освещения приспособили снарядные гильзы, превращенные в коптилки. Естественно, свет был тусклый, слабый, и, забегаая вперед, замечу, что это сильно затрудняло работу во время операций. Вообще же мы старались делать операции и перевязки в дневное время, пока в землянку проникал естественный свет. Летом условия были более благоприятные. Работали в палатке, сделанной из все той же парашютной ткани. Но в самые беспокойные времена блокад, палатки такие не ставили: противник мог их видеть с самолета и нам приходилось работать на открытом воздухе, под деревом...

Через два дня к нам пришел парторг Тресиков. Поинтересовался, все ли готово, осмотрел.

— Учтите, сегодня могут поступить раненые,— предупредил он. После его ухода Репников тихо сказал:

— Как бы, Арам Аркадьевич, не пришлось нам отсюда уходить. Ребята пошли на задание и вернулись с полдороги — наш лес окружен немцами. Слышал, снимаемся и перейдем в другой лес.

— Как в другой лес?— чуть ли не воскликнул я.— А лагерь? А наша санитарная часть? Зря, что ли, мы столько трудились?

— Ничего не поделаешь, так у нас не раз бывало,— ответил Репников.— Когда противник наступает крупными силами, с артиллерией и танками, нам с ними не справиться. Вот и приходится маневрировать.

— А как же раненые?

— Раненых берем с собой, конечно. Ходячие сами идут, а носилочных несем...

— Носилки,— спохватился я. В заботах об оборудовании санчасти мы отодвинули на потом их изготовление. Теперь надо было спешить. Я попросил Ивана Арсентьевича сегодня же договориться с кем следует, чтобы сделали еще хотя бы пять пар носилок...

ЗИМНЯЯ БЛОКАДА

Так уж случилось, что начали мы работать в партизанском отряде в один из наиболее тяжелых периодов его жизни. Я уже говорил, что и переездом в партизанский лагерь мы были обязаны только смелости и искусству явившихся за нами разведчиков: вокруг южной части клетнянских лесов все туже сжималось кольцо вражеской блокады, бои на дальних и близких подступах к партизанским базам не утихали ни на один день.

Напуганное и озлобленное все нарастающей силой народного сопротивления в тылу своих армий фашистское командование уже не впервые принималось осуществлять свои планы «полного уничтожения» партизан. На этот раз вступил в действие план, названный врагом «Репейник-2». Еще с середины декабря 1942-го года против группы отрядов, действовавших в северо-западном районе Брянщины, были брошены дополнение к обычным карательным частям и подразделениям две регулярные дивизии, снятые с фронта и подкрепленные танками, артиллерией, самолетами,

Блокада развертывалась с немецкой методичностью: партизанская зона обкладывалась сперва широко, потом начиналось продвижение в глубь ее со всех направлений. Цель была — ни одного партизана не выпустить живым из леса.

Но с самого начала мало что получалось у фашисток так, как было расписано. Партизаны ведь не сидели в ожидании действий врага. У них уже был накоплен солидный опыт разнообразной борьбы, в том числе и внезапных опережающих ударов. К тому же им стал известен план немецкого командования, и они решили противопоставить ему максимальную активность уже на дальних подступах к своим базам.

Почти целый месяц партизанские бригады и отряды сдерживали вражеское наступление еще на подходах к лесным массивам. Дерзкими и неожиданными нападениями они то и дело отбивали у карателей даже занятые ими населенные пункты. Одновременно создавался оборонительный рубеж вокруг самих лагерей по просекам и дорогам. Были построены даже дзоты. Под охраной застав и дзотов в лагерях продолжалась нормальная жизнь. Вовсю действовал партизанский аэродром: осведомленная о событиях в этих местах Большая земля усиленно снабжала партизан оружием и боеприпасами, забирала раненых и больных. Как раз накануне нашего прихода бойцы отряда имени Чапаева принимали «небесные» посылки с новенькими автоматами, противотанковыми ружьями, взрывчаткой.

Больше того, как раз в разгар блокады партизаны получили два новых кинофильма: художественный «Радуга» и документальный «Разгром немцев под Москвой». Их доставили- самолетом в лагерь соединения черниговских партизан под командованием Федорова, а демонстрировались фильмы и в соседних отрядах. Наиболее крупное черниговское соединение пришло в клетнянский лес поздней осенью и теперь вместе с местными формированиями активно действовало, срывая замыслы фашистов и не прекращая обычных своих ударов по их гарнизонам и коммуникациям.

Все это происходило до нас. А вот к тревожным событиям последних дней января в какой-то мере была причастна и наша только что созданная санчасть; поступили первые раненые. О том, что произошло, потом рассказали партизаны.

Подразделения нашего отряда незадолго до этого выбивали врага из Алени, Бабенки и Жерновца. Алень и Жерновец спустя несколько дней пришлось все-таки оставить, но Бабенку, расположенную ближе к лесу, было решено удерживать. Это была первая линия нашей обороны. Основные силы отряда с утра до ночи находились на второй линии, уже в лесу, на насыпи старой железнодорожной узкоколейки.

В тот день в Бабенке усиленным дозором стоял взвод Глебова. Алексей Павлович получил от командира отряда наказ смотреть в оба — по сведениям разведки противник готовился двинуться дальше в лес. «Держись,— сказал Горбачев,— но людей зря не жги. И если что — сразу связного к нам, на вторую линию. Пришлю подмогу».

Так и было сделано. Заметив, что немцы, развернувшись в цепь, двинулись из Алени на Бабенку, взвод занял оборону и, впусив карателей в овраг, разделявший деревни, завязал бой. Он длился с переменным успехом часа три. У партизан кончились патроны, а врагу удалось-таки с одной стороны обойти их и зацепиться за крайние избы. Но связной уже был послан. Узнав о ходе боя, командир отряда тут же отправил подкрепление во главе с комиссаром и начальником штаба, а следом и сам, раздобыв у

федоровцев два ящика патронов, поспешил к Бабенке. Немцев нельзя было ни в коем случае впустить в лес.

Схватка за деревню-форпост разгорелась с новой силой, и вот каратели загнаны опять в овраг, в глубокий снег и больше уже не пытались атаковать. Враг потерял в этом бою больше тридцати человек, бросил пулемет, винтовки, несколько ящиков мин и снарядов. У нас же оказалось двое легкораненых. Вечером ветинструктор Пушной привел их в санчасть. Первую помощь он оказал в ходе боя. Я осмотрел их и убедился, что все сделано правильно. Пулями были повреждены мягкие ткани, ребятам ничего не грозило, и они вернулись в строй. Фамилии их я не запомнил. Зато запомнил Марченко, которого доставили на следующий день. Это был первый раненый, которого я оперировал в отряде. Он был ранен в ногу осколком мины. Иван Арсентьевич Репников, участвовавший в этом бою, наложил там повязку на рану и сделал, как мы говорим, транспортную иммобилизацию — закрепил положение ноги простейшей шиной. В санчасть Марченко принесли на носилках. Прошло уже больше полусуток с момента ранения, и рана хотя была небольшая, но имела значительный воспалительный отек и немного гноилась. Движения в конечности были ограничены и болезненны. Можно было предположить повреждение кости. Требовалось оперативное вмешательство. Если не словами, то взглядами наш медперсонал опять выразил сомнение: возможно ли, мол, в таких условиях оперировать? Но мы с Валентиной Андреевной тут же приступили к делу.

Оперировать пришлось в землянке при тусклом свете коптилки, под местным новокаиновым обезболиванием. Края раны были рассечены, а омертвевшие ее участки иссечены. Из неглубокого раневого кармана был удален металлический осколок. К счастью, кость оказалась не задетой. На рану наложили повязку, смоченную раствором марганцовки. Марченко терпеливо перенес все. А на лицах медиков я прочитал радость и даже гордость: дескать, вот ведь как можно! Аня Копченкова выразила это вслух:

— Ой, Арам Аркадьевич, а как ребята будут довольны! Так ведь мы спасем многих!

То ли в тот же день, то ли на завтра к нам пришел пулеметчик Федор Троян. Он был из партизан, что называется «постарше» — ему уже шел тридцать третий год. Родом с Полтавщины, а жил в Бежице, служил в военизированной пожарной команде при заводе «Красный Профинтерн». Выдержанный и хладнокровный в бою, Троян был примером для многих, его уважали все. Назначенный командиром взвода, он все равно не расставался со своим ручным пулеметом. В июне 1942 года в бою под деревней Першино Дятьковского района он получил сквозное пулевое ранение правого бедра. Выходное отверстие находилось в правой паховой области. Квалифицированную медицинскую помощь оказать было некому.

Лечила Федора Афанасьевича как могла юная Галина Чернявская, которую Троян отечески опекал со дня ее прихода в отряд и которая так и звала его: «Отец». Раны у Трояна зарубцевались, и он ходил на задания. Но вот теперь, спустя полгода, у него появились боли... При осмотре я обнаружил, что рана воспалилась, движение в тазобедренном суставе сохранялись. Значит, можно ограничиться амбулаторным лечением. Чтобы дать свободный отток выделениям, края раны немного расширил. После нескольких перевязок с тампоном, смоченным раствором марганцовки, рана очистилась, воспалительный процесс в ней прекратился. А недели через две она полностью зарубцевалась. Болевые ощущения исчезли.

Федору Трояну повезло, он легко отделался: пуля не повредила ни кость, ни жизненно важный сосудисто-нервный пучок, расположенный в паховой области. Чаще всего такие ранения сопровождаются как раз повреждениями крупных сосудов.

А вообще я рассказал о случае с Трояном для того чтобы показать: наша санчасть стала действовать.

Между тем продолжали разворачиваться все более тревожные события.

Утром двадцать первого января в западной стороне партизанских баз бои разгорались уже за населенные пункты, непосредственно открывавшие доступ к лесу. Вечером мы оставили Болотню и Николаевку. Слишком неравными были силы. Фашистское командование сконцентрировало на этом участке большую группировку, чтобы пробиться к «партизанской столице» деревне Мамаевке и лишить народных мстителей возможности использовать мамаевское поле в качестве аэродрома.

Двадцать второго противник занял все населенные пункты вокруг Мамаевки. Дольше всех продержалась Бабенка, за которую весь день шел бой. Но вечером наш отряд оставил и ее.

На следующий день меня вызвали в штаб отряда. В землянке топились печь, было накурено.

— Ну что, доктор, раненые поступают?— поздоровавшись, спросил командир Горбачев.

Он сидел на краю нар возле грубо сколоченного стола, без ремня, в заломленной назад папаше. Вид у него был утомленный и озабоченный. В землянке находились и другие руководители отряда.

— Готов доложить, товарищ командир,— ответил я,— что санитарная часть развернута. Можем принимать раненых, и уже несколько человек поступило.

— И сколько их?— спросил командир и, не ожидая ответа, тут же повернулся к комиссару:— Я же говорил: раненые самостоятельно передвигаться не смогут!

Не дождавшись отклика у Брука, опять спросил у меня:

— Так сколько в санчасти раненых?

— Восемь. Из них трое — неходячие.

— Не так уж страшно, верно ведь?— вставил комиссар.— Справимся. Командир не ответил, помолчал.

— Доктор,— наконец сказал он.— Положение наше серьезное. Кольцо окружения сжимается. Может случиться, придется оставить этот лагерь. Продумайте, как лучше организовать эвакуацию раненых. Сегодня же продумайте.

— Есть,— коротко ответил я, готовый уже уходить. Но меня еще задержали.

— Как жена, ребенок, товарищ врач?— спросил парторг.— Привыкаете к нашей жизни? Есть чем кормить ребенка?

— Жена помогает мне в работе в санитарной части. Состояние ребенка удовлетворительное. Питания хватает, ребята кое-что приносят.

— Молоко есть? Дают вам?

— Каждый день получаем по кружечке.

Опять наступила пауза, которая признаться, меня встревожила. На плечо мне положил руку комиссар,

— Есть, товарищ Туманян, решение командования... В случае ухода отряда из этого леса мы всех женщин и детей оставим в деревне Мамаевке. Потом, когда наше положение улучшится, заберем их...

— Это вынужденное решение, доктор,— сказал командир.

Я ушел из штаба расстроенный. Посчитал нужным тут же рассказать об услышанном жене. Она встретила весть внешне спокойно, даже попыталась изобразить беззаботность:

— Ну что ж, Мамаевка так Мамаевка! Когда нас отвезут?

— Наверное, Валя, надо быть готовой в любую минуту...

— А я всегда и готова! Только взять на руки ребенка...

Еще несколько дней оставались в лагере. Подразделения отряда и всей бригады вели бои уже в самом лесу, на первой линии обороны, не давали врагу идти вглубь, уничтожали его из засад и внезапными контратаками.

Двадцать четвертого января, несмотря на то, что фашистские «рамы» беспрерывно кружили над лесом, на мамаевском поле наши самолеты сбросили груз (приземляться уже не рисковали). Отряду имени Чапаева предназначалось: 5 противотанковых ружей, 20 пистолетов-пулеметов, 3 ящика патронов, немного продовольствия, спички, медикаменты, перевязочный материал.

— Ну как, товарищ врач, хватит теперь для раненых?— передавая медикаменты, спросил начальник штаба Каменев.

— Пока хватит. Плохо что инструментов не присылают, наши запасы оскудели.

— Надо, значит, попросить, наверняка пришлют. Составьте короткое требование, передадим на Большую землю...

Тем временем поступали новые раненые. Один из них, молоденький Иван Малько, пришел сам, снял гимнастерку. Левое предплечье у него было забинтовано.

— Кто оказал первую помощь?— спросил я.

— Ребята, кто же!— ответил он.— Да ерунда, доктор, поцарапало...

— Чего ж ты, миленький, из-за такого пустяка в санчасть побежал?— откликнулась медсестра Аня Копченкова.

— Да я не хотел, это ребята настояли,— растерялся Иван.— Да еще командир взвода Петр Горбачев приказал. Вы только перевяжите, и я мигом назад...

Он действительно стал прощаться, как только мы оказали ему помощь. Я проводил его, сказав, что если рана будет беспокоить, обязательно надо прийти

завтра. И на перевязки надо ходить через три-четыре дня.

— Ладно,— крикнул он, уходя.— Там видно будет!

Ане я стал выговаривать:

— Нельзя так медику! Да у парня вовсе не царапина, а ранение мягких тканей. Правильно сделал, что пришел за помощью. Вы же должны знать, что всякое ранение опасно, особенно огнестрельное. А вы упрекнули его...

— Да что вы, Арам Аркадьевич!— Аню даже в краску бросило.— Я ведь шутя, по-нашему. Наши ребята понимают шутку.

Лежавшие в санчасти поддержали ее: кто же, мол, на нашу Аньку обидится, она нам всем, как сестра родная... И я впоследствии не раз убеждался, что наша медицинская сестра, действительно, всеми любима и уважаема в отряде, любая ее просьба охотно выполнялась каждым.

...Двадцать седьмого января женщин с детьми отправили в Мамаевку. Рано утром перед этим в санчасть пришли комиссар отряда и парторг. В последние дни печки в землянках не топились, чтобы дымом не демаскировать лагерь. Раненые спокойно переносили холод, не жаловались.

— Хорошо устроились, молодцы,— похвалил Брук. И переменял тему: — С женой говорили? О Мамаевке?

— Да,— ответил я,— жена знает о приказе.

— Ну и как она?

— Мы люди военные, товарищ комиссар. Приказы не обсуждаются.

— Не беспокойтесь, товарищ врач,— вступил в разговор Тресиков.— Мамаевка — деревня партизанская, в обиду там не дадут. А на морозе малышу с нами было бы тяжело...

— Когда?—спросил я.

— Сегодня. Сейчас. Пусть жена собирается...

Женщин с детьми партизаны провожали до самой деревни. Был среди них и я. Вернулся вконец расстроенный, думая, что больше не увидимся.

В лагере наступила очень тревожная ночь. Мы сидели в землянке санчасти, прижавшись друг к другу, пытаясь согреться. Очень хотелось спать, а спать не давали ни холод, ни ожидание вестей, ни близкие разрывы мин и снарядов — вражеская артиллерия непрерывно обстреливала лесные кварталы.

Утром двадцать восьмого, после небольшого боя на насыпи узкоколейки, наши партизаны отошли к своим землянкам. Теперь следовало ожидать — максимум через день-два — схватки уже на подступах к самому лагерю. Тем более, что накануне снялось и с боем ушло на юго-запад, в направлении Украины, соединение черниговских партизан. Покинуло эти леса и несколько других отрядов. Готовился к прорыву и наш.

Неожиданно меня вызвал командир отряда.

— Садитесь в сани, скачите в Мамаевку. Дорога туда еще открыта. Заберите жену, ребенка и срочно возвращайтесь. Срочно!

День был уже на исходе, когда мы с Валею и Ниночкой прибыли в лагерь. Вместе с нами вернулись и другие женщины с детьми. Не знаю, что конкретно толкнуло Горбачева на пересмотр своего решения, но сделано это было как нельзя более вовремя. Потом мы узнали: войдя в Мамаевку, фашисты многих за связь с партизанами расстреляли, остальных жителей угнали в неизвестном направлении...

Не успел слезть с саней, как меня пригласили в штаб. Там было темно. Свет коптилки едва освещал лица присутствовавших. Шло совещание.

Меня отвел в уголок начальник штаба.

— С наступлением темноты тронемся,— сказал он.— Всех неходячих раненых и больных погрузите на сани. Берите с собой только необходимое, но медикаменты заберите все, ничего не оставляйте. Каменев говорил, как всегда, тихо, неторопливо. Добавил, что уточнение последует. И, действительно, часа через полтора он пришел сам и объявил приказ командира об отходе, объяснил порядок следования.

Был тридцатиградусный мороз, когда в начале ночи наша Третья Клетнянская бригада оставила свои лагеря и, маневрируя, взяла путь на восток, в направлении жирятинских лесов. Двигаться было трудно не только впереди идущим, пробивавшим дорогу, но и следовавшим за ними: из-за сильного мороза снег стал сыпучим, ноги вязли. Но шли, не жалуясь, стараясь не шуметь: всем была известна задача номер один — обмануть врага, миновать его по возможности без боя. Так же тихо лежали в санях раненые. Укутанные кто во что, они прижимались друг к другу. Непосредственное наблюдение за ними во время передвижения я поручил Анне Копченковой. Вместе с ранеными лежала и маленькая Нина, завернутая во все теплое. Днем она вела себя беспокойно, капризничала, была голодна, а мы не могли ничем ей помочь. Наконец уснула. Завтра,

тридцатого января, ей исполнится год. Мы шли с Валею за санями и невольно думали, что же нас ждет завтра...

Однако были и сегодняшние заботы. Мороз очень крепок, одеты и обуты партизаны не ахти как — не случилось бы обморожения. Тихо заговорил об этом с Иваном Арсентьевичем. Он успокоил: о том, как предостеречься от обморожения, была с ребятами беседа. Пушной и он показывали, как обматывать ноги поверх портянок бумагой. Все же решили на привалах обходить и проверять людей, имея на всякий случай — чтобы растереть обмороженные участки кожи — немного самогонки.

Ночью наша Нина проснулась и стала кричать. Видимо, и есть захотела, и холодно ей было. Валя взяла ее на руки, пробовала убаюкать. Но ребенок не переставал плакать.

Подбежал связной, позвал меня к Горбачеву.

— Доктор,— сказал мне командир,— сделайте, чтобы успокоить дочку. Ее крик демаскирует движение бригады.

Какой же найти выход? Ночью, в лесу, на страшном морозе...

Очевидно, поняв мое состояние, заговорил комиссар отряда:

— Вы не беспокойтесь, товарищ Туманян, все будет хорошо. Только эту ночь надо двигаться абсолютно без шума. Вы ведь придумаете что-то, верно?..

— Вот и хорошо, доктор, договорились,— заключил командир.— Действуйте...

Жене я сказал, что надо сделать так, чтобы Нина не кричала. Это опасно для всей бригады...

— Как же?

После некоторых раздумий решили дать Нине снотворные капли. Замерзшими и дрожащими руками жена пыталась отметить те самые две капли настойки опия простого. Вскоре девочка уснула. Дышала она спокойно, ровно.

Немного отступая, хочу рассказать о подобном случае с сыном самого командира. Отряд тогда, осенью 42-го, был объектом карательных операций немцев и однажды оказался в очень тяжелом положении. Единственный выход был: бесшумно, ничем себя не обнаружив, просочиться сквозь вражеские линии, ибо воевать было нечем, кончились патроны. А в отряде был младенец, родившийся в лесу,— шестимесячный сын командира отряда и его жены Евгении. Мальчик Володя был голоден и к тому же прихворнул, и его никак не удавалось успокоить. Тогда Горбачев приказал медсестре усыпить его во что бы то ни стало.

«Я ввела ребенку два миллилитра однопроцентного морфина,— рассказывала Аня Копченкова,— а ребята, закутав его в одеяло и дав ему сосать тряпочку с жеваным хлебом,несли его на руках, покачивая. Володя уснул и спал долго. А когда проснулся, партизаны были уже вне опасности».

Отец, конечно, не знал, чем это кончится. Но он рисковал жизнью сына ради спасения отряда. Мать же так переживала, что ее увели подальше от младенца...

...Валентина Андреевна тоже, конечно, страшно переживала, но держала себя в руках. Выдавали ее лишь тревожные взгляды. Между тем колонна продолжала свой тяжелый путь. Очень уставшие, измотанные предыдущими боями и переходами, партизаны шли медленно, безмолвно. Слышны были лишь чей-то негромкий приглушенный кашель да хруст снега под ногами. Предусмотрительно были «утихомирены» и лошади с коровой: их морды закрутили веревками.

Немецкая артиллерия вслепую обстреливала лес. Некоторые снаряды рвались в полутора-двух километрах от нашей стоянки, но все равно это вызывало беспокойство. Однако командование бригады разрешило развести несколько костров и приготовить партизанский суп — муковню. Для этого не требовалось много времени: закипит вода — засыпай муку, помешивая ее в котле. Через пять минут «суп» готов. Проголодавшиеся, намерзшиеся люди с жадностью хлебали нехитрое варево.

— Второе блюдо, жаренка, за мной, — шутил, разливая его, отрядный повар Никита Иванович Никитин. —

Вот разгромите гарнизончик, притащите хрюшку — сварганю в лучшем виде!..

Славный человек был Никита Иванович, добродушный и заботливый. До войны работал бригадиром к колхозе, потом слесарем на заводе. Поваром он был, конечно, доморощенным, но старательным и добросовестным. Очень переживал, когда не из чего было приготовить хотя бы одно первое блюдо.

Согревшись похлебкой, ребята разостлали прямо на снегу ветки елок и легли отдохнуть, тесно прижимаясь друг к другу. Быстро и крепко уснули. Мы с Репниковым попросили командиров потребовать от дневальных: внимательно следить, чтобы во сне партизаны не замерзли, тормозить их время от времени — чтобы поворачивались с боку на бок.

Стояла тишина, которую усиливало потрескивание деревьев от мороза. Пристроившись на краю саней, уснули и наши женщины. А мы с Репниковым решили еще раз обойти лагерь, проверить, как дежурные следят за спящими, да и самим посмотреть, что и как.

На ходу Иван Арсентьевич стал мне рассказывать, что в отряде еще не было случаев обморожений, как вообще почти не наблюдалось простудных заболеваний. Я ему ответил, что это известный феномен военного быта, но что касается обморожений, то не мешает всегда принимать профилактические меры. Ведь известно, что отморожения могут быть и при плюсовой температуре. С такими случаями я сталкивался в финскую кампанию. Это объяснялось повышенной влажностью воздуха и часто тем,

что обувь (валенки и сапоги) были мокрыми, а одежда и ноги влажные. Причиной может стать и недоедание, переутомление...

За время моей врачебной практики в отряде имени Чапаева был всего один случай отморожения. В начале марта 1943 года, когда бригада возвращалась из жирятинских лесов на свою мамаевскую базу, в пути ребята обнаружили истощенного, замерзающего партизана из соседней бригады «За Родину». Им оказался Михаил Иванович Пызин, земляк наших бойцов из поселка Бордовичи. Выяснилось, что Пызин отстал от своих во время боя — прорыва кольца вражеского окружения — еще дней десять назад. Голодный, обессиленный, он все это время находился на морозе. Мы взяли его с собой, посадили на сани. С трудом сняли с него примерзшую к ногам обувь и накрыли шубой, которую дал один из партизан. Осмотреть отмороженные конечности на ходу не решились.

Вскоре отряд остановился на ночлег. Для раненных построили большой шалаш из еловых веток. Еще заметно морозило, и в шалаше разожгли костер. Переусердствовали, наверное,— и возник пожар. К счастью, все обошлось благополучно — раненые не пострадали. Пришлось разжечь костер прямо на снегу, под открытым небом. Тогда и осмотрели Михаила Пызина. Стало ясно: у него отморожение обеих стоп второй степени. Аня Копченкова обтерла самогонкой (мы ее хранили в медицинских целях вместо спирта) отмороженные участки и наложила асептическую повязку. Затем ввела ему внутривенно глюкозу — ее в числе другого сбросили тогда с самолета. Товарищи дали Пызину теплые портянки, валенки. Напоили кипяченой водой из растопленного снега. Дали немного самогонки. Мы привезли Михаила с собой в мамаевский лагерь, и здесь, в нашей санитарной части, недели три лечили ежедневными теплыми ваннами. В ведре кипятили воду, давали остыть до требуемой температуры и затем полчаса Пызин держал в ней ноги. После этого обе стопы обтирали самогонкой и накладывали асептическую повязку. Глюкозой мы были не очень богаты, вводили только в первые дни лечения.

Когда нашему больному стало лучше, кожа стоп начала принимать обычную окраску и боли исчезли, ванны прекратили. Так как других медикаментов не было, мы стали ежедневно смазывать кожу отмороженных стоп прокипяченным конопляным маслом. Масло принесли из деревни наши разведчики. Его стерилизовали у нас в санчасти в котелке с водой. Михаил Пызин поправился и вернулся в свою бригаду

К утру пересекли опасный Недельковский большак. То тут, то там возле него догорали костры. Значит, здесь недавно были немцы. Не выдержав мороза, или совсем убрались или передвинулись, чтобы перехватить нас в другом месте? Отряд вел опытный проводник, местный лесничий Горбунов, и он посоветовал быть осторожней. Вперед ушли разведчики, а все остальные, выставив дозорных, сделали привал в густом

осиннике. А так как вскоре пришел день и двигаться вообще было рискованно, просидели здесь до самого вечера.

Нина продолжала спать крепким сном. На её восковой бледности лице нежным слабым румянцем светились лишь щеки. Она дышала спокойно и ровно.